

Проблема Значимого Другого¹: “Поворот на Восток” в российской внешней политике и анализ риторических ссылок на США и КНР в дискурсах политиков и экспертов

Начавшееся еще в 2012 году ухудшение отношений с западными партнерами, и прежде всего с США, в 2014 году переросло в полномасштабный и постоянно углубляющийся кризис. Климат российско-американских отношений был серьезно испорчен подозрениями относительно зарубежной поддержки оппозиционного массового движения в России в 2011–2012 годах. Обмен недружественными законодательными актами в декабре 2012 года² стал видимым проявлением взаимной неприязни. Осенью 2013 года Россия оказалась в состоянии острого конфликта с европейскими партнерами из-за подготовки соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом. В 2014 году решение Путина о присоединении Крыма и роль России в развитии вооруженного конфликта на юге Украины привели к войне санкций; в последующий период усугубление конфронтации вернуло в актуальный политический лексикон термин “холодная война”.

На фоне эскалации кризиса в отношениях с западными партнерами Россия демонстративно активизировала сотрудничество с соседями в Азии, и в первую очередь стратегическое партнерство с Китаем, складывавшееся с начала 2000-х годов. Контракт ОАО “Газпром” с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК) на поставку российского трубопроводного газа, подписанный в присутствии президента России и председателя КНР Си Цзиньпина в мае 2014 года, через два месяца после крымского референдума, символизировал новую фазу

двусторонних отношений и провал планов международной изоляции России. Аналитики заговорили о “повороте России на Восток”.

Было бы неверно переоценивать радикальность этих перемен: с одной стороны, отношения с США и другими западными партнерами никогда не были равными, а с другой — диверсификация векторов российской внешней политики стоит в повестке дня по крайней мере с середины 2000-х годов. Однако раньше западный вектор всегда оставался доминирующим. “Посткрымский” кризис в отношениях с Западом — наиболее глубокий после завершения холодной войны — заставил всерьез задуматься о возможности, а точнее, необходимости перераспределения приоритетов. В этом контексте формула “поворота на Восток” могла бы означать радикальное изменение идеологии внешней политики, что, в свою очередь, затрагивает фундаментальные основания российской идентичности.

Усилиями приверженцев конструктивизма в современных исследованиях международных отношений утвердилось представление о национально-государственной идентичности как об одном из факторов, определяющих поведение государств на международной арене — если не наравне с факторами силы и интересов, то в качестве линзы, преломляющей восприятие последних³. Будучи продуктами дискурсивного конструирования, идентичности могут артикулироваться и спонтанно, и целенаправленно. По словам Гилберта Розмана, национальная

идентичность “конструируется, чтобы направлять споры о политике и мобилизовывать публику, часто — с намерением заблокировать более компромиссные, прагматические или реформистские интерпретации идентичности”⁴. Главными участниками этой символической борьбы интерпретаций являются политические и интеллектуальные элиты. Однако, выражая в публичных выступлениях те или иные представления о Нас и Других, политики и интеллектуалы действуют в рамках сложившихся и понятных их аудиториям систем смыслов. Участвуя в производстве и воспроизводстве таких систем, публичные фигуры и сами “подчиняются” их логике. Тем самым анализ публичного дискурса элит может быть нацелен не только на изучение открыто соперничающих идеологических конструкций, но и на выявление скрытых установок, которые стоят за публичными речевыми практиками, а также представлений, которые не всегда осознанно присутствуют в общественном сознании. При таком подходе идентичность оказывается не продуктом целенаправленной разработки во имя политических целей, а структурированным репертуаром смыслов, который делает возможным или невозможным те или иные способы представления Я и Другого в меняющемся контексте⁵.

Устойчивость новых тенденций в российской внешней политике зависит от того, в какой мере “поворот на Восток” подкреплен представлениями общества о внешних Других, через соотношение с которыми осмысливается наше Я. Представленное в настоящей статье исследование практик риторического “использования” образов США и КНР в дискурсах российских политиков и экспертов позволяет выявить некоторые тенденции, существенные для ответа на вопрос о роли этих внешних Других в формировании современной российской идентичности.

Публикации в СМИ как источник данных для изучения отношений Я и Другого

Рассуждения о внешних Других играют заметную роль в коммуникации, направленной

на оправдание или критику текущего политического курса. Это связано с тем, что макрополитические сообщества, “стоящие за” другими государствами, значимы не только в качестве потенциальных противников/врагов или партнеров/друзей на международной арене, но и как носители социального или политического опыта, обусловившего их успехи и неудачи и способного служить для Нас ориентиром. Фигура Значимого Другого — внешней по отношению к Я группы, в диалогическом сопоставлении с которой осуществляется идентификация Я, — считается неотъемлемым элементом структуры идентичности.

Актеры, апеллирующие к образам Другого, опираются на представления, стереотипы, мифы, символы и прочие когнитивные структуры, существующие в массовом сознании. Опираясь этим репертуаром, они, с одной стороны, участвуют в его пополнении и трансформации, а с другой — ограничены его наличной конфигурацией. Последняя как раз и является существенным элементом той суммы представлений, которая составляет ядро идентичности Я. Таким образом, изучение способов репрезентации Значимых Других в контексте оправдания или оспаривания политического курса не только пополняет наши знания о конструировании коллективных идентичностей, но и позволяет выявить механизмы функционирования последних в политическом контексте. В частности, практика риторического использования Другого дает возможность оценить его значимость⁶.

В литературе нет единства в понимании того, в каких случаях Другой может считаться значимым и что делает его таковым. Географы Кори Джонстон и Аманда Коулман предлагают использовать данный термин для “идентичности, которая осмысливается в качестве наиболее противоположной [Я — О.М.], наиболее актуальной (pressing) или своевременной (timely) и выдвигается на первый план в проблематике идентичности”⁷. Это определение связывает значимость не с конкретными характеристиками рассматриваемого отношения — но лишь с тем, насколько существенно (co)отнесение с Другим в контексте обсуждения проблем, связанных с идентичностью Я. Иной подход предложен

исследователем национализма Анной Триандафиллидоу. Она закрепляет роль Значимого Другого за “другими нациями и/или государствами, от которых данное сообщество пыталось освободиться и/или стремится себя отличить”⁸. Таким образом, значимость обусловлена конкуренцией групп в контексте нациестроительства, то есть задается конфликтным взаимодействием.

По мнению американского политического теоретика Анны Нортон, “индивидуальные и коллективные идентичности творятся не просто через различие между Я и Другим, но в моменты неоднозначности, когда Я выступает как Другой по отношению к самому себе, а также через признание Другого как подобного”⁹. Если это предположение верно, группа, которая в чем-то похожа и одновременно в чем-то отлична от Нас, имеет больше шансов оказаться Значимым Другим, нежели группа, чье несходство с Нами настолько несомненно, что исключает возможность тождества. По-видимому, наиболее вероятные кандидаты на эту роль — “пороговые (liminal) группы”, отличающиеся одновременно сходством и несходством с Я. Идея Нортон была принята на вооружение другими исследователями. В частности, именно “пороговым” характером образов России и Турции Ивар Нойманн объяснял их значимость в качестве Других для Европы¹⁰. Позже Вячеслав Морозов и Бахар Румелили на тех же двух примерах исследовали различные стратегии конструирования идентичностей в “пороговых” ситуациях¹¹. На важность фактора смыслового конфликта указывает и предположение Дэвида Кэмпбелла о том, что Другой воспринимается как угроза, когда он “оспаривает естественность притязаний конкретной идентичности на роль истинной идентичности”¹².

Суммируя эти догадки, можно заключить, что значимость Другого не является простым производным от интенсивности его взаимоотношений с Я (хотя этот фактор также важен) или от степени противоречивости/враждебности таковых. Значимость предполагает также семантическую напряженность, спорность границ между Я и Другим или наличие конкурентных интерпретаций Другого.

Это позволяет уточнить круг возможных

индикаторов значимости. Во-первых, на основании определения Значимого Другого, предложенного Джонстон и Коулман (см. выше), в качестве одного из таких индикаторов можно рассматривать частоту обращения к Другому в контекстах, предполагающих артикуляцию идентичности Я. Во-вторых, учитывая, что возможности риторического использования Другого определяются конфигурацией представлений о нем, косвенным свидетельством его значимости можно считать разнообразие семантического репертуара образов, мифов, стереотипов, символов, используемых для его описания. Возможность количественной оценки этих индикаторов делает их удобным инструментом для выявления паттернов риторического использования конкретных Других.

Эмпирической базой для представленного здесь исследования послужили публикации трех ежедневных общественно-политических газет — “Российской газеты”, “Независимой газеты” и “Известий”. Они были выбраны как “качественные” издания, сотрудничающие с широким кругом экспертов и регулярно публикующие аналитические материалы о российской внутренней и внешней политике, в том числе статьи и интервью ее участников. Хронологические рамки исследования — с 1 января 2012 года по 31 декабря 2014 года — включают период, с которым связаны наиболее драматические изменения внешнеполитического курса: развитие кризиса в отношениях между Россией и США, Россией и ЕС, украинский кризис, присоединение Крыма, возникновение вооруженного конфликта в Донбассе, “война санкций” и “поворот на Восток”.

Материал для анализа отбирался по двум критериям: жанр и основная тема статьи. Поскольку целью было изучение риторических ссылок на США и КНР в контексте рассуждений о российской политике (ее оправдания, интерпретации, критики), отбирались публикации аналитического характера (редакционные статьи, колонки комментаторов, интервью с политиками и экспертами). Публикации сугубо информационного характера (новостные статьи, репортажи и проч.) не рассматривались, поскольку фреймирование Другого

в них в большей степени определяется меняющимся контекстом. Не рассматривались публикации, сосредоточенные на обсуждении политики и социальных практик США и Китая, вопросов международной политики, а также кадровых решений, рассматривающие опыт Другого вне связи с российской политикой.

Смысловые функции упоминаний внешнего Другого анализировались с помощью программы QDA Miner Lite. Возможности данной программы включают в себя формирование книги кодов, кодирование фрагментов текста (кодирование осуществляется исследователем), информационный поиск различных текстовых единиц в массиве текстов, извлечение и сортировку текстовых фрагментов, связанных с заданными кодами, и их количественный анализ. Кодирование проводилось

по категориям спикеров (политики различались по партийной принадлежности, эксперты — на основе аффилиации, указанной в публикации, а при ее отсутствии — путем поиска биографических данных с помощью браузера Google.ru), а также по смысловым функциям ссылок на Американского и Китайского Другого (см. Таблицу 1). Поскольку мы ставили перед собой задачу изучить паттерны риторического использования репертуара представлений о внешних Других, а не собственно медийный контент, в данном анализе мы фиксировали случаи ссылок на США или Китай, выделяя их смысловую функцию. В случаях, когда в рамках статьи/интервью конкретного спикера ссылки на ту или иную страну с одной и той же смысловой функцией использовались многократно, соответствующий код присваивался один раз.

Таблица 1. Кодирование смысловых функций ссылок на внешнего Другого

Наименование кода	Операциональное описание кода	Оценка Другого
Другой как рамка для сравнения	Опыт Другого как средство оценки наших результатов/характеристики нашего статуса в мировой политике/экономике. Признание высокого статуса Другого в мировой политике/экономике	Положительная/нейтральная
Другой как модель/инструмент легитимации	Другой как образец/модель для нас. Опыт Другого как оправдание наших решений/практик	Положительная/нейтральная
Другой как носитель значимого опыта	Упоминание опыта Другого вне контекста оправдания наших практик/результатов	Положительная/нейтральная
Другой как партнер	Установка на сотрудничество с другим	Положительная/нейтральная
Другой как союзник	Общность целей/интересов/ценностей нас и другого	Положительная/нейтральная
Другой как конкурент	Неантагонистический конфликт интересов	Негативная или нейтральная
Другой как противник/угроза безопасности	Антагонистический конфликт интересов. Другой как носитель угрозы нашей безопасности	Негативная
Критика поведения Другого	Поведение Другого не соответствует разделяемым нами нормам, демонстрирует двойные стандарты, ведет к пагубным последствиям	Негативная
Критика поведения Другого	Негативная характеристика ценностей Другого/противопоставление нашей интерпретации ценностей и той интерпретации, которой придерживается Другой	Негативная

Исследование осуществлялось в три этапа: сначала на основе анализа небольшого количества текстов индуктивным путем была сформирована книга кодов, которые затем были операционально описаны и уточнены; затем было произведено кодирование основного массива текстов; после этого был осуществлен количественный и качественный анализ закодированных фрагментов.

Риторическое использование Американского и Китайского Другого в медийном дискурсе парламентских политических партий (2012–2014 годы)

В рассмотренных нами изданиях количество публикаций и интервью оппозиционных политиков ожидаемым образом оказалось незначительным. Однако в этих газетах регулярно публиковались комментарии представителей думских партий по поводу состоявшихся и готовящихся политических решений, что дает достаточный материал для выявления паттернов символического использования Американского и Китайского Другого думскими политиками. Анализ этого материала дополняет наблюдения, которые были сделаны ранее на основе сравнительного исследования ссылок на Американского и Китайского Другого в выступлениях президентов РФ¹³. В рамках данного исследования были изучены выступления Владимира Путина и Дмитрия Медведева на мероприятиях, предполагавших диалог, — заседаниях Государственного Совета, встречах с представителями фракций Государственной Думы и непарламентских партий, а также стенограммы “прямых линий” и “больших” ежегодных пресс-конференций Путина, доступные на портале “Президент России” (<http://www.kremlin.ru/>). Это позволило выявить паттерны риторического использования Другого в контексте легитимации политического курса. Исследование показало, что, несмотря на стремление Путина представить развитие отношений с КНР как “поворот на Восток” на фоне глубокого кризиса отношений с западными партнерами в 2012–2014 годах, его собственная риторика свиде-

тельствует о том, что США по-прежнему остаются главным Значимым Другим, тогда как КНР — преимущественно партнером, взаимодействие с которым важно с политической и экономической точки зрения, но не столь существенно для идентификации Нас. Та же тенденция в целом характерна и для думских политиков.

Кодирование высказываний партийцев — членов “Единой России” (ЕР), “Справедливой России” (СР), Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) и ЛДПР — позволяет увидеть некоторые паттерны, отражающие, с одной стороны, межпартийные различия, а с другой — динамику на протяжении рассматриваемого периода.

Прежде всего бросается в глаза то, что образ Американского Другого возникает в высказываниях российских парламентариев существенно чаще, чем образ Китайского Другого, хотя последний характеризуется более позитивно. Та же тенденция была обнаружена в нашем исследовании риторики президентов Путина и Медведева в 2000–2015 годах¹⁴.

Практика риторических ссылок на США имеет характерные партийные особенности (см. Рисунок 1). Особенно часто их используют представители ЕР, причем, в отличие от других партий, в их публикациях негативные характеристики Другого уравновешены позитивными. Эта тенденция сохранилась даже в 2014 году, когда резкое ухудшение российско-американских отношений вызвало волну критических комментариев в адрес США. В риторике всех парламентских партий заметно увеличилось число упоминаний Американского Другого как противника или угрозы для национальной безопасности, а также заявлений, содержащих критику поведения Соединенных Штатов. Однако одновременно в публикациях ЕР участились ссылки не только на негативные, но и на позитивные или нейтральные характеристики Американского Другого. Эта “аномалия” обусловлена тем, что в дискурсе ЕР ссылки на США часто используются для оправдания российской внутренней политики. Депутаты от этой партии апеллируют к опыту заокеанского соседа по разным поводам — от разработки логотипа российского парламента по примеру Конгресса США

до обсуждения принципов устройства местного самоуправления. Но особенно охотно представители ЕР ссылаются на американский опыт, когда речь идет о легитимации практик, которые в глазах части российского общества выглядят как отступление от демократических правил. Например, подводя итоги первого года президентства Путина, Вячеслав Никонов, председатель Комитета Госдумы по образованию, писал:

“Разговоры о закручивании гаек в связи с принятием серии законов, наводящих порядок в политической сфере, остались разговорами, поскольку все эти законы были списаны с западных аналогов (со смягчением санкций)... <...> И вряд ли можно считать жертвами тех руководителей финансируемых из-за рубежа политических НКО, которых штрафуют за то, что в нарушение закона они отказываются регистрироваться как иностранные агенты. Они же громче всех ратуют за демократию и исполнение законов! Вот и исполняйте, пропагандируйте на собственном примере. Действительно, демократия — это соблюдение законов. Попробовал бы кто-то в США не зарегистрироваться как иностранный агент, если его об этом просят, в соответствии с Foreign Agents Registration Act. Штрафом бы не отделался”¹⁵.

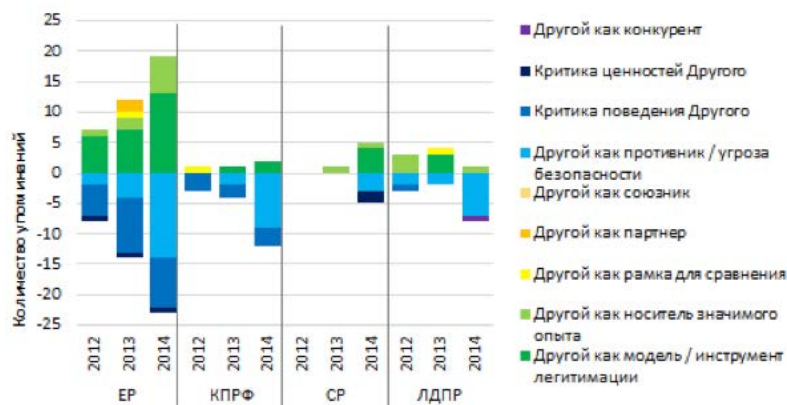
Во время предвыборной кампании Путина 2012 года члены ЕР не раз проводили параллели с историей США, ссылаясь на четвертый срок Франклина Рузвельта¹⁶ или доказывая, что “довольно часто отцы-основатели систем сами становились и их главными реформаторами”, ведь “в конце концов дядя Линкольн был рабовладельцем, да и сам он в начале пути отнюдь не был рьяным аболиционистом”¹⁷. С особой гордостью политики-единороссы сравнивали Общероссийский народный фронт с “народным фронтом” Барака Обамы — Organizing for Action (OFA), созданным якобы по образу и подобию ОНФ¹⁸. Подобные сопоставления дают возможность представить антилиберальные решения как “нормальную” демократическую практику. Отвечая таким образом на критику из-за океана, политики тем самым признают Амери-

канского Другого как “образец” демократии.

Выступления политиков СР в рассмотренных нами изданиях встречаются реже. Однако судя по нашей выборке, в 2014 году количество ссылок на Американского Другого в их рассуждениях о российской политике заметно возросло, причем, как и в случае ЕР, негативно-критические комментарии справедливороссов оказались уравновешены использованием опыта Другого для обоснования собственных законодательных предложений. Ссылки на американский опыт содержатся, например, в статье о формировании муниципальной полиции, “начальство” которой избиралось бы гражданами¹⁹, или о предоставлении партиям права отзывать своих представителей из избиркомов всех уровней²⁰. Обосновывая законодательную инициативу об электронной слежке за теми, кто был осужден за педофилию, отбыл срок и вышел из мест заключения, Елена Мизулина, председатель комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, также ссылаясь на опыт США, где осужденные за развращение несовершеннолетних должны регистрироваться по месту проживания (правда, предложение самой Мизулиной о введении электронных браслетов шло дальше этой меры)²¹.

Иная тенденция характерна для политиков-коммунистов: они также регулярно апеллируют к Американскому Другому при обсуждении российской политики, но характеризуют его по большей части негативно. В 2014 году в комментариях представителей КПРФ увеличивается доля ссылок на США как на противника России.

Последнее характерно и для представителей ЛДПР, которые также склонны педалировать тему национальной безопасности. Вместе с тем, подобно единороссам и справедливороссам, члены ЛДПР не прочь опереться на опыт заокеанского партнера для обоснования собственных законодательных инициатив. Впрочем, случаи такого рода в нашей выборке встречаются “до Крыма”: в 2013 году ЛДПРовцы апеллировали к опыту США, когда предлагали ввести День свободной торговли²² или обязать всех гастарбайтеров на работе говорить исключительно по-русски или на официальном языке субъектов РФ²³.

Рисунок 1. Смысловые функции ссылок на США в публикациях представителей российских парламентских партий (2012–2014)

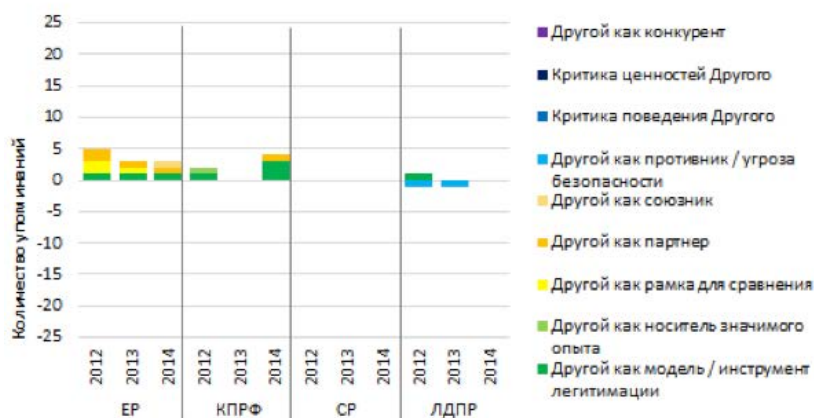
В нашей выборке, составленной из текстов представителей парламентских партий, ссылок на КНР немного — практически все они содержатся в высказываниях политиков из ЕР, КПРФ и ЛДПР (см. Рисунок 2). В противоположность Американскому Другому Китайский упоминается в выступлениях парламентариев преимущественно позитивно. Лишь Жириновский поднимал тему угрозы со стороны КНР, связывая ее с быстрым экономическим ростом китайского соседа и миграцией китайцев на территорию России²⁴.

В дискурсе политиков ЕР Китайский Другой представлен как партнер (в том числе — в контексте БРИКС) и как страна-лидер, с которым сравнивают отечественные достижения (например, параметры экономического роста). Но на его опыт опираются и в контексте идеологии: доказывая преимущества “патриотического поворота” в России, Андрей Исаев, заместитель секретаря генерального совета партии “Единая Россия”, ссылаясь на опыт Дэн Сяопина, которому “было не важ-

но, социализм или капитализм, а важно, чтобы Китай стал сверхдержавой”. И заключал:

“Именно принесение в жертву национальным интересам идеологических догм послужило толчком к переосмыслению китайской политической элитой, а вслед за ней и населением целей и путей развития. И сегодня патриотический подход освобождает нас от догматики. Мы не должны задумываться над тем, верны ли наши шаги с точки зрения либеральной рыночной идеологии или идеологии социальной справедливости, а должны делать только те шаги, которые будут полезны для России независимо от того, к какому идеологическому арсеналу формально они могут быть отнесены”²⁵.

Китайский Другой используется в качестве примера и легитимирующего образца и политиками-коммунистами: они ссылались на китайский опыт, выступая против ратификации протокола о присоединении России к ВТО²⁶ и обосновывая отмену плоской шкалы налогообложения²⁷.

Рисунок 2. Смысловые функции ссылок на КНР в публикациях представителей российских парламентских партий (2012–2014)

Таким образом, Китайский Другой хоть и представлен в дискурсе политиков-парламентариев, однако по сравнению с Американским Другим он играет гораздо менее заметную роль в обосновании и оспаривании российского политического курса.

Особенности риторических ссылок на Американского и Китайского Другого в дискурсе экспертов (2012-2014)

Не менее интересные тенденции в использовании ссылок на США и КНР в контексте обсуждения российской политики были обнаружены в публикациях “экспертов” (см. Рисунки 3–4). В эту группу мы включили три категории: 1) “академиков” — авторов, представленных в газетных публикациях в качестве научных сотрудников институтов РАН или университетов; 2) “практиков”, обладающих соответствующим профессиональ-

ным опытом, в наших случаях чаще всего — в сфере бизнеса, финансов и военного дела; 3) “аналитиков и публицистов” — авторов колонок, редакционных статей и аналитических обзоров политики. В третью группу наряду с профессиональными журналистами входят те, кого рассматриваемые нами издания представляют как “политологов”, “философов”, “историков”, “писателей” и др. Однако, как выяснилось в ходе другого нашего исследования, большинство представителей данной категории не являются членами соответствующих научных сообществ либо имеют в них маргинальный статус. Вместе с тем в качестве комментаторов российской политики они играют существенную роль в российском идеологическом пространстве²⁸. Различия в практиках символического использования Американского и Китайского Другого также подтверждают вывод о несовпадении дискурсов “академиков” и публичных аналитиков.

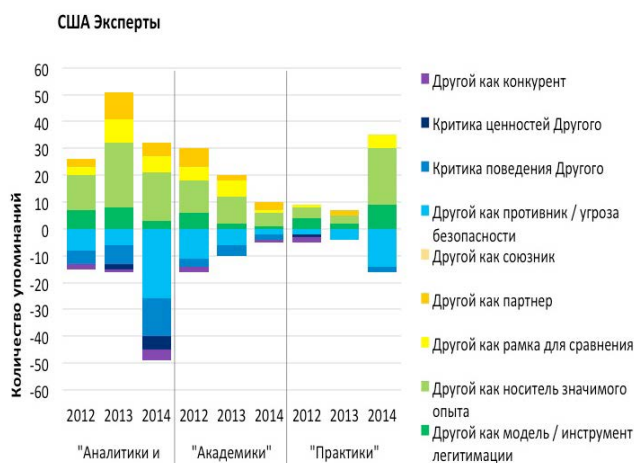

Рисунок 3. Смысловые функции ссылок на США в публикациях российских экспертов в печатных СМИ (2012–2014)

Рисунок 4. Смысловые функции ссылок на КНР в публикациях российских экспертов в печатных СМИ (2012–2014)

Практика апелляции к опыту США и КНР в статьях и интервью “академиков” имеет ряд характерных особенностей по сравнению с политиками и другими экспертными группами. Прежде всего — с точки зрения восприятия значимости рассматриваемых нами Других — это единственная категория спикеров, в чьих высказываниях Китай фигурирует столь же часто, как США, причем в разных смысловых функциях. Китайский опыт задает систему координат для обсуждения широкого спектра тем — от принципов регулирования экономики и развития вооруженных сил до научной и образовательной политики и борьбы с коррупцией.

Примечательно, что последняя тема, будучи актуальной для всех категорий экспертов, не встретилась нам в публикациях представителей парламентских партий. Отметим еще одно отличие экспертного дискурса о КНР от политического: в публикациях всех категорий экспертов КНР рассматривается не только как носитель позитивного опыта, который необходимо принимать во внимание, но и как конкурент и потенциальная или актуальная угроза национальной безопасности России. Эксперты, особенно “академики”, нередко поднимают вопросы, связанные с экономической конкуренцией²⁹ или ядерной угрозой³⁰. В 2014 году, когда в контексте “посткрымского” “поворота на Восток” многие заговорили о “стратегическом союзе с Китаем”, заместитель директора Института политического и военного анализа Александр Храмчихин опубликовал в “Независимой газете” статью, в которой предупреждал об опасности столь поспешных выводов. “К сожалению, — писал он, — в России очень сильно принципиальнейшее заблуждение: что отношения с Китаем можно и даже нужно рассматривать в контексте отношений с Западом. В реальности это категорически недопустимо. Китай — слишком серьезная вещь, чтобы рассматривать его в чужих контекстах”³¹. “Академики” как наиболее информированная группа спикеров отличаются наиболее сбалансированным подходом к характеристике Китайского Другого.

Отметим еще одну интересную особенность медийного дискурса экспертов-“академиков”, связанную с реакцией на изменение

внешнеполитического и идеологического контекста “после Крыма”. Наше исследование показывает, что только в этом сегменте в 2014 году не наблюдался рост негативных высказываний о США. Это не значит, что “академики” не обсуждали тему угроз со стороны Американского Другого — напротив, проанализированные нами издания регулярно публиковали обстоятельные статьи ученых из ИСКРАН, ИМЭМО РАН, ИНЭИ РАН и др., посвященные проблемам безопасности, геополитики, энергетической политики и др., в которых Соединенные Штаты выступали как противник или конкурент³². Однако эти темы обсуждались и “до Крыма”. В “посткрымском” контексте пропорция позитивных и негативных высказываний “академиков” об Американском Другом почти не изменилась (хотя общее количество высказываний по сравнению с предыдущими годами сократилось, в чем можно усмотреть косвенное влияние “духа времени”).

Изменения идеологических тенденций в том, что касается паттернов использования смысловых функций в ссылках на США и КНР, особенно заметны в дискурсе экспертов-“аналитиков и публицистов”. Характерная особенность этого сегмента — резкий рост негативно-критических высказываний об Американском Другом и столь же резкое увеличение внимания к Китайскому Другому в 2014 году. При этом, подобно политикам из ЕР и СР, “аналитики и публицисты” не только критикуют США, но и рассматривают их опыт как важный для определения перспектив российской политики, в том числе — используют его для оправдания принимаемых решений.

В дискурсе экспертов-“практиков” наблюдались схожие тенденции: с одной стороны, имела место диверсификация смысловых функций репрезентации США и КНР, а с другой — рост количества негативных ссылок на США и упоминаний (преимущественно позитивных) о КНР в 2014 году. Однако при интерпретации этих результатов следует учитывать, что состав спикеров данного сегмента менее постоянный: публикации “практиков” чаще иницируются журналистами.

Заключение

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод, что образы Американского и Китайского Другого — это символический ресурс, которым российские политики и эксперты активно пользуются, оправдывая или критикуя курс внутренней и внешней политики. Однако при изменениях контекста их смысловой функционал в дискурсах разных спикеров реализуется по-разному.

Американский Другой относительно более “актуален” (и, по-видимому, значим) для большинства категорий спикеров: он чаще упоминается в контексте обсуждения российской политики, причем делается это в разных смыслах. Изменение политического контекста в 2014 году повлекло за собой резкий рост количества негативно-критических высказываний в адрес США в дискурсах всех групп политиков, а также “аналитиков и экспертов”. Исключение из этого правила составляют

“академики”: в их рассуждениях Китайский Другой упоминается не менее часто, чем Американский, и связывается с не менее широким репертуаром смысловых функций, при этом катаклизмы 2014 года не привели к резкой демонизации Американского Другого.

“Поворот на Восток” проявился в большем внимании к Китайскому Другому со стороны “аналитиков” и “практиков”, а также, в некоторой степени, политиков-единороссов. Однако экспертный дискурс отличается от дискурса политиков: у экспертов Китайский Другой выступает не только в роли партнера, союзника и носителя значимого опыта, но и в качестве конкурента и угрозы для России. В целом же, если Американский Другой в российском политическом дискурсе чрезмерно “секьюритизирован”, то Китайский, по-видимому, “недосекьюритизирован”. Во всяком случае, тревоги, выражаемые экспертами, почти не отражаются в дискурсах политиков.

Примечания

- 1 Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 14-03-00490а.
- 2 В ответ на “акт Магнитского” — закон, который предусматривает введение санкций против должностных лиц России, подозреваемых в коррупции и нарушении прав человека, — российский парламент принял “закон Димы Яковлева”, в котором содержится запрет на въезд в РФ и возможность ареста активов граждан США, причастных к нарушению прав человека или преступлениям против граждан России. В частности, “закон Димы Яковлева” запрещает гражданам США усыновлять российских детей-сирот.
- 3 См.: САМБЕЛЛ D. *Writing security. United States foreign policy and the politics of identity*. Manchester: Manchester University press, 1992; *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / KATZENSTEIN P. (Ed.) New York: Columbia University Press, 1996; WENDT A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; НОРФ Т. *Social construction of international politics: Identities and foreign policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press, 2002.
- 4 ROZMAN G. *The Sino-Russian challenge to the world order: national identities, bilateral relations, and East versus West in the 2010s*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2014. P. 8–9.
- 5 НОРФ Т. *Op. cit.*; McDONAGH K. *Talking the talk or walking the walk: Understanding the EU's security identity* // *Journal of Common Market Studies*. 2015. Vol. 53, № 3. P. 627–641 etc.
- 6 МАЛИНОВА О.Ю. *Риторика политического лидера как индикатор значимости Другого: анализ ссылок на США и КНР в выступлениях президентов РФ (2000–2015 гг.)* // Полис. Политические исследования. 2016, № 2. С. 21–37.
- 7 JOHNSON C., COLEMAN A. *The internal other: exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity* // *Annals of the association of American geographers*. 2012. Vol. 102, № 4. P. 865.
- 8 TRIANDAFYLIDOU A. *National identity and the ‘other’* // *Ethnic and racial studies*. 1998. Vol. 21, № 4. P. 595.
- 9 NORTON A. *Reflections on political identity*. Baltimore, etc.: The John Hopkins University Press, 1993. P. 7.
- 10 NEUMANN I.B. *Uses of the other. “The East” in European identity formation*. Manchester: Manchester University Press, 1999.
- 11 MOROZOV V., RUMELILI B. *The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers* // *Cooperation and conflict*. 2012. Vol. 47, № 1. P. 28–48.
- 12 САМБЕЛЛ D. *Op. cit.* P. 3.
- 13 МАЛИНОВА О.Ю. *Цит. соч.*
- 14 Там же.
- 15 НИКОНОВ В. *Год спустя* // Российская газета. 2013. 7 мая. URL: <https://rg.ru/2013/05/07/god.html> (доступ 21.05.2018).
- 16 НИКОНОВ В. *Логика Путина* // Независимая газета. 2012. 29 февраля. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-02-29/9_logic.html (доступ 21.05.2018).

- 17 Поликанов Д. *Новый кодекс ценностей* // Независимая газета. 2012. 19 января. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-19/3_kartblansh.html (доступ 21.05.2018).
- 18 Старшинов М. *Серьезно и надолго* // Известия. 2013. 6 мая. URL: <https://iz.ru/news/549815> (доступ 21.05.2018).
- 19 Подосенов С., Климачева Е. *Охрану порядка на улицах доверят избираемому народом “шерифам”* // Известия. 2014. 14 мая. URL: <https://iz.ru/news/570653> (доступ 21.05.2018).
- 20 *Оппозиция требует власти над избиркомами* // Независимая газета. 2014. 26 ноября.
- 21 Зыков В. *Елена Мизулина предлагает следить за педофилами с помощью браслетов* // Известия. 2014. 20 октября. URL: <https://iz.ru/news/578174> (доступ 21.05.2018).
- 22 Цой Ю. *В Госдуме предлагают ввести день свободной торговли* // Известия. 2013. 7 мая. URL: <https://iz.ru/news/549864> (доступ 21.05.2018).
- 23 Новоселова Е. *“Подчастную” случается* // Российская газета. 2013. 16 декабря. URL: <https://rg.ru/2013/12/13/gramotnost-site.html> (доступ 21.05.2018).
- 24 Жириновский В. *Пора прекратить нелегальную миграцию!* // Российская газета. 2012. № 37 (5710). 21 февраля.
- 25 Исаев А. *Проект Путина: Русская идея XXI века* // Независимая газета. 2012. 17 декабря. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-12-17/8_rus_idea.html (доступ 21.05.2018).
- 26 Сувботина С. *Вопрос о ВТО расколол Госдуму на два лагеря* // Известия. 2012. 11 июля. URL: <https://iz.ru/news/529937> (доступ 21.05.2018).
- 27 Трифонова Е. *Плоскую шкалу опять предлагают отменить* // Независимая газета. 2014. 25 декабря. URL: http://www.ng.ru/politics/2014-12-25/1_scale.html (доступ 21.05.2018).
- 28 Малинова О.Ю. *Кто формирует общественное “лицо” профессии: Сравнительный анализ репрезентации “политологов”, “экономистов” и “историков” в российских печатных СМИ* // Политическая наука. 2015 № 3. С. 225–236.
- 29 Мухин В., Аксенов С. *Роль и место ПРО в большой стратегии* // Независимая газета. 2012. 15 июня. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-06-15/1_pro.html?insidedoc=&id_user=Y (доступ 21.05.2018).
- 30 Арьатов А. *Многостороннее ядерное разоружение* // Независимая газета. 2012. 25 мая. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-05-25/1_nuclear.html (доступ 21.05.2018).
- 31 Храмчихин А. *Пекин Москве — партнер, но не друг* // Независимая газета. 2014. 7 ноября. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-11-07/1_china.html (доступ 21.05.2018).
- 32 Арьатов А. *Цит. соч.*; Рогов С.М. *Россия и США: неизбежна ли новая конфронтация?* // Независимая газета. 2012. 17 февраля. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-02-17/1_rf_usa.html (доступ 21.05.2018); Мельникова С., Горячева А. *Черная волна сланцевой революции* // Независимая газета. 2013. 15 января. URL: http://www.ng.ru/energy/2013-01-15/15_black_wave.html (доступ 21.05.2018) и др.